

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук, доцента
Гуревич Любови Степановны
о диссертации Шавалиевой Елены Борисовны
**«ПАРАМЕТРЫ ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО
МЕТАДИСКУРСА»**, представленной на соискание учёной степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

В современной лингвистической прагматике, психолингвистике и теории коммуникации исследование метадискурса занимает особое место: сама проблематика исследования относительно нова, понятие метадискурса ещё не устоялось, границы термина ещё не определены, в связи с чем, выявляются существенные разногласия, как в собственно определении метадискурса, так и в исследовательских методологиях и моделях его описания.

Большинство исследователей метадискурса придерживаются общепринятого его понимания как «дискурса о дискурсе» или «текста о тексте», усматривая в его структуре некие элементы, отсылающие непосредственно к самому тексту (то, что называется ими «метатекст» или «рефлексивность текста») (Buhton 1999). Другие исследователи понимают под метатекстом исключительно эксплетивные слова и выражения (Beauvais 1989). Особый интерес представляют также исследования, в которых расширяется понимание метадискурса и вводятся в анализ его структурных компонентов соединительные слова, пограничные слова и различные формы текстуальных комментариев, которые позволяют автору высказывания выразить в тексте своё мнение о сказанном (Hyland 2005). В структуре метадискурса выявляется наличие особых маркеров, которые подразделяются исследователями на две базовые группы: текстуальные (textual) и межличностные (interpersonal) (William J. Vande Kopple).

В качестве метакоммуникативных единиц, представленных в языке, выступают речевые клише – формулы речевого этикета (приветствия, прощания, обращения, благодарности, извинения и т.д.); свободные высказывания с этикетной функцией (междометные аттрактанты внимания, комплименты, осведомления о здоровье, положении дел и т.д.); свободные высказывания, не обладающие этикетной функцией (повторы, переспросы, комментарии и т.д.). В качестве базовых единиц метадискурса называют метаоператоры, являющиеся основными метаединицами речевых (иллокутивных) актов, которые подразделяются по своей коммуникативной направленности на рефлексивы и регулятивы, а последние, в свою очередь, распадаются на ассертивы, предикативы, информативы, дескриптивы, ретродиктивы и др., относящиеся к классу констативов (Bach 1980).

Наряду с этим, существует и менее популярная среди исследователей трактовка метакоммуникации (метадискурса), согласно которой к разряду метакоммуникативных единиц относят невербальные определители (или интерпретационные сигналы) (Giffin, 1971), которые, по мнению американских учёных, представляют собой все экстралингвистические и паралингвистические

составляющие речевого акта, а именно, различные супrasegmentные средства (ударение и интонация), жесты, мимика, телодвижения и т.п. (Bekoff, 1972; Бейтсон, 1971). Подобный подход нередко подвергался критике в связи с тем, что «такое понимание метакоммуникации приводит к выработке редуцированного, неупотребительного, непригодного понятия, как о самой коммуникации, так и о метакоммуникативных операциях», а само отождествление метакоммуникативных средств с экстралингвистическими считается неприемлемым (Meyer-Hermann, 1978). В то же время, некоторые российские исследователи: В.В. Богданов, Г.Г. Почепцов, Н.И. Формановская, Т.Д. Чхетиани и др. признают тот факт, что метакоммуникация может осуществляться также с помощью паралингвистических средств (специальных звуковых, но не речевых сигналов, кинетических сигналов, мимики), которые маркируют фазы речевого общения, упорядочивают высказывание, акцентируют его части и выражают отношение говорящего к передаваемому сообщению.

Именно последний, менее признанный, подход к интерпретации метакоммуникации и метадискурса взят за основу диссертантом, на чем мы остановимся далее.

Не вызывает сомнения **актуальность исследования**, обусловленная особой остротой проблематики метадискурса, которая динамично расширяет терминологическую и понятийную базу, порождая все новые вопросы и новые интерпретации данного лингвистического феномена. Выбор недостаточно изученного разговорного метадискурса, который составляет основу повседневной бытовой коммуникации, также можно считать актуальным.

В качестве **объекта** научного исследования диссертантка заявляет метадискурсивный формат разговорного дискурса, в качестве **предмета** - систему параметров форматирования метадискурса в составе разговорного дискурса и языковые средства их объективации. Понимание объекта и предмета диссертационного исследования также не вызывает возражения.

Общий **объем** проанализированных транскриптов естественных бесед из англоязычных корпусных источников и произведений англоязычной литературы, составляющий более 2000 примеров, является показательным, а **достоверность исследования** не подвергается сомнению.

Целью исследования диссертантка полагает теоретическое обоснование понятий разговорного метадискурса и его форматирования и определение и характеристика параметров форматирования разговорного метадискурса, в связи с чем, в диссертации ставится ряд соответствующих и не противоречащих цели исследования **задач**.

С представлением диссертантки о **научной новизне** работы, а также с положениями, выносимыми на защиту, можно согласиться с некоторыми поправками, на которых остановимся чуть позже.

По своей структуре диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и принятых сокращений, списка источников примеров и приложения.

Во введении содержится описание цели, задач, актуальности, научной новизны и положений, выносимых на защиту, основных теоретических

принципов исследования, а также даётся характеристика основным устоявшимся традициям научного анализа коммуникации и метакоммуникации, дискурса и метадискурса в современных научных интегративных подходах и теориях.

Первая глава диссертационной работы «Теоретические основы исследования разговорного метадискурса» даёт нам вполне достаточный обзор теорий, послуживших теоретической и методологической основой диссертационного исследования. В качестве замечания рекомендательного свойства можно отметить следующее: хотелось бы увидеть в работе несколько иное в пропорциональном соотношении описание, в котором отводилось бы больше внимания тем теориям и подходам, которые являются основополагающими для диссертанта, в частности, теории метакоммуникации Г. Бейтсона, а именно, её эволюционирования: как и когда автор идеи расширил и углубил своё толкование метакоммуникации, что привнесли в теорию его последователи (Jurgen Ruesch (1951); Palo Alto Group; Paul Watzlawick, Janet Beavin, and Don Jackson (1967); Erving Goffman (1974); Rogers & Escudero (2004); Herbert W. Simons; Pearce (2007); Marc H. Rich and Robert T. Craig (2012) и др.)). Именно более поздние работы Г. Бейтсона, в которых рассматривались не только поведение животных, как это подробно описывается в диссертации (стр. 24-26), но и научное развитие и дальнейшая интерпретация таких составляющих метакоммуникации, как «протокол» и «команда», дали возможность рассматривать в рамках теории метакоммуникации вербальные средства, уточняющие высказывание. Это в дальнейшем позволило А. Вежицкой ввести понятие «семантических ножниц» в интерпретацию метадискурса, а также другим исследователям рассматривать в качестве метакоммуникативных единиц все лексические единицы, которые как бы вклиниваются в высказывание говорящего, уточняя, комментируя, направляя на то, как нужно правильно понимать данное высказывание.

Далее в работе, во 2-й главе, автор упоминает о теории метакоммуникации Г. Бейтсона в уже позднем её варианте, что свидетельствует о том, что диссертантка обладает достаточно глубоким познанием в области выбранной ей для научного исследования теории, но первая глава диссертации такого понимания всё же не даёт.

Во **второй главе** «Линейные параметры форматирования разговорного метадискурса» диссертантка предлагает линейную модель разговорного метадискурса, который рассматривается на примерах трёх параметров: фонетико-акустического, лексического и синтаксического. Наиболее удачным и тщательно проанализированным представляется фонетико-акустический формат, в котором автор выделяет 5 типов метасообщений, передаваемых с помощью фонетико-акустических сигналов. Что является особо значимым и ценным в работе – автору удаётся выявить прагматическое содержание отдельных вокализаций, что достаточно трудно поддаётся верификации и вычленению из текста разговорного дискурса.

Отнесение междометий к чисто лексическим средствам, вместо лексико-семантических, а метакоммуникативные высказывания к чисто синтаксическим, вместо лексико-синтаксических, является, на наш взгляд, не особо удачным и

открыто для дискуссии. К тому же, выходя за рамки супрасегментных средств коммуникации, автор внедряется в зону полярного теоретического осмысления метакоммуникации – вербальных метакоммуникативных единиц – которые не рассматривались Г. Бейтсоном и Г. Кларком как метакоммуникативные, что тоже вызывает определённого плана вопросы к диссертантке.

В третьей главе «Пространственный параметр форматирования разговорного метадискурса» автор рассуждает о специфике пространственных метасмыслов, о концептуальном взаимодействии, когнитивном и прагматическом контекстах, метадискурсивном эго-пространстве и т.п., для понимания которых, по утверждению автора, была создана и представлена в работе пространственная модель разговорного метадискурса.

Насколько можно понять из описания автора, пространственная модель, в отличие от линейной, базируется на экстралингвистических компонентах, которые, так или иначе, участвуют как в собственно понимании коммуникантами друг друга, так и в моделировании межличностных отношений во время беседы. Для декодирования имплицитной информации участники коммуникации используют импликатуры дискурса, которые, по определению И.М. Кобозевой, представляют собой «умозаключения, которые делает адресат высказывания, опираясь на максимы (правила) речевого общения».

В данной главе автор приводит примеры разговорного (диалогического) дискурса и делает попытки интерпретации имплицитных смыслов, опираясь на внутритекстовые метакоммуникативные маркёры, которые используются в речи для «свёрнутого» выражения метакоммуникативных значений.

Далее идут выводы по 3-ей главе и заключение, в которых диссертантка подводит итоги проделанного исследования и определяет перспективы дальнейших исследований затронутой в работе научной проблематики.

Анализ диссертационной работы Е.Б. Шавалиевой даёт нам также возможность сделать выводы о том, что в общем смысле диссертационное исследование состоялось.

Диссертанткой была заявлена очень сложная тема для исследовательской работы, поскольку анализ метадискурса в той интерпретации, которую она выбрала в качестве методологической основы диссертации, предполагает работу исключительно с импликатурами, которые, как нам известно, «присутствуют в тексте в скрытом виде, но при этом явно не выражаются (адресат делает вывод сам), то, что «имелось в виду» (в противоположность тому, что было сказано)». В отличие от семантических пресуппозиций, импликатуры устранимы под воздействием контекста или ко-текста последующего высказывания, что обуславливает нестабильность актуализируемых в речи смыслов и гипотетическую неоднозначность их интерпретации.

Ценность проделанной диссертанткой работы нам видится в том, что автору удалось продолжить исследование проблемы дискурсивного стиля как формата знания в рамках исследования формата метадискурса, что, безусловно, вносит определённый вклад в развитие теории дискурса и научного знания в целом.

Очень важным положительным моментом исследования является создание чёткой классификации фонетико-акустических сигналов, используемых коммуникантами для передачи метасообщений.

Можно также поддержать концепцию диссертантки об иерархической структуре коммуникации и метакоммуникации, которая представлена в пространственной модели форматирования разговорного метадискурса.

Вместе с общей положительной оценкой анализируемой работы, в дискуссионной части отзыва предлагаю обсудить следующие моменты:

1. В положениях, выносимых на защиту, в п.5 и п. 6 (стр. 8) идёт речь о практически одном и том же, только в различном изложении: оба пункта описывают структуру и функционирование предлагаемых автором линейной и пространственной моделей форматирования метадискурса. Не было бы целесообразным объединить оба пункта и сформулировать положение в более общем и ёмком виде?
2. В теоретической части первой главы упоминаются и анализируются автором модели коммуникации Лассвелла и Шеннона, а также коммуникативная модель основателя кибернетики Н. Винера, которые в дальнейшем никак не используются диссертанткой в анализе модели метадискурса. В связи с этим возникает вопрос, для чего необходимо было вводить данное описание, если в качестве альтернативного варианта можно было бы описать другие модели, которые действительно бы «работали» на диссертацию в её практической части? В частности, можно было бы описать подробнее, например, коммуникативную модель Кларка, которая объявляется автором базовой моделью исследования, причём показать её в наиболее популярной, четырехуровневой модификации, а не в двухуровневой, как это дано в работе.
3. Работа изобилует терминологией с приставкой (или, по другим источникам, частью сложного слова) «мета»: метасмыслы (с.144), метапамять (с. 144-145), метаотношения (с. 158), метапространства, метаконцептуальная позиция (с. 150), метакогнитивные аспекты (163), «внутренний дискурс» (с. 155), метадискурс и др.), причём автор не поясняет в работе, что она понимает под каждым из употребляемых в работе термином. Складывается впечатление о том, что все компоненты метадискурса автор автоматически переводит под знак «мета», в то время как далеко не каждое из данных понятий является компонентом метадискурса. Более того, представляется спорным, например, употребление термина «метаотношение», который трактуется в психолингвистике как «отношение к отношению» (например, «Я боюсь его и ненавижу свой страх»; или отношения разума к чувству), в качестве номинации отношений между коммуникантами в процессе коммуникации. В связи с этим возникает вопрос: Какой автор вкладывает смысл в данную номинацию с приставкой «мета» и какой тип отношений между коммуникантами автору видится возможным назвать «метаотношениями»?

4. Если принять во внимание классическое определение метасмысла, под которым понимается «всё то, что не сказано, не выражено в словах собеседника (автора) и что надо осознать слушателю (читателю), если он хочет понять смысл сказанного, смысл текста», то правомерность использования автором таких сочетаний, как «имплицитный метасмысл» (с. 160) и «эксплицитный метасмысл» (с. 162) представляется сомнительной, поскольку, по определению, метасмысл по своей природе уже изначально имплицитен. В связи с этим, первое словосочетание представляется тавтологичным, второе же противоречивым и лишённым смысла. Попутно возникает ещё один вопрос к диссертантке: Какой смысл вкладывает автор в данную терминологию, который позволял бы в рамках представленной модели использовать её в таких сочетаниях?
5. Нововведения и замена существующих в лингвистике понятий и терминов для их обозначения также представляется спорной и дискуссионной («метадискурсивное эго-пространство» (с. 142), «дискурсивный технолог» (с. 150), «метаконцептуальная позиция» (с. 150), «объектоцентричная референтная ситуация» (вместо «предметно-референтной ситуации») (с. 165) и др.). В связи с этим, например, появляются не совсем понятные объяснения структуры предлагаемой автором пространственной модели (с. 144) в терминах многочисленных «мета» и сложной организации соотношения компонентов дискурсивного взаимодействия, которую можно было бы проще объяснить в терминологии постулатов (максим) Грайса, о которых упоминается в теоретической части первой главы. Или же сложные рассуждения о «несогласованности метасмыслов», где «беседа переплетается с метабеседой», а «дискурсивное пространство – с метадискурсивным пространством», где «один из говорящих делает попытку вывести метасмыслы на поверхность» устанавливая «на протяжении разговора новые метаотношения» (с. 154) можно было бы логично объяснить в более понятной и общепринятой терминологии «имплицитных» и «эксплицитных» смыслов, не прибегая к сложным и менее понятным рассуждениям.
6. В процессе анализа диссертационного сочинения складывается общее впечатление о том, что при разработке формата метадискурса в понимании автора произошла подмена понятий «прагматики» и «прагматического содержания высказывания» и «метасмыслов», в связи с чем возникает следующий вопрос: Разводит ли автор данные понятия, и если «да», то каким образом?
7. В анализе примеров метадискурса автор опирается преимущественно на письменные тексты, привлекая для интерпретации метасмыслов «закадровые» комментарии автора художественного текста. В связи с этим вопрос к диссертантке: Использовали ли Вы живые звучащие диалоги для анализа метадискурса, и если да, то почему они не вошли в анализ диссертационной работы?

Все представленные в отзыве замечания носят дискуссионный характер и не снижают ценности диссертационного сочинения.

Таким образом, научное исследование Е.Б. Шавалиевой является самостоятельным, выполненным на достаточно репрезентативном материале и основанным на современных концепциях когнитологии, семиотики, логики, филологии и когнитивной лингвистики. Автором разработан собственный подход к анализу очень сложного и противоречивого феномена метадискурса. Диссертация содержит значимые теоретические разработки, на основании которых получают развитие и теоретическое объяснение некоторые проблемы современной когнитивной лингвистики. Автореферат и публикации отражают основное содержание исследования.

Сказанное выше даёт основание заключить, что диссертация «ПАРАМЕТРЫ ФОРМАТИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОГО МЕТАДИСКУРСА» является завершённым самостоятельным исследованием, соответствующим требованиям пунктов 9-11 Положения о порядке присуждения учёных степеней ВАК России, а её автор Елена Борисовна Шавалиева заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
Зарубежной филологии Института
гуманитарных наук Московского
городского педагогического
университета

/Любовь Степановна Гуревич/

25 октября 2019 года

Адрес места работы с индексом

129226, Центральный федеральный округ, город
федерального значения Москва, 2-й
Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Адрес электронной почты

info@mgpu.ru

Рабочий номер телефона

Ректорат: +7 (499)181-65-52, + 7 (499) 181-07-94,
+7 (499) 181-65-52

